УДК 82.091

«НЕ СНИЛОСЬ И ФЕДОРУ МИХАЙЛОВИЧУ!»
(Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ В СУДЬБЕ И ТВОРЧЕСТВЕ
И. С. ШМЕЛЕВА)

Гудзова Ярослава Олеговна,

*доктор филологических наук, профессор кафедры
литературы ФГБОУ ВО «Московский государственный
институт культуры» (Химки, РФ), e-mail: disava@yandex.ru*

Статья посвящена изучению уроков Ф. М. Достоевского в судьбе и творчестве И. С. Шмелева. Исследование выявляет историко-литературную связь классического наследия с сочинениями автора «Путей небесных», которая обнаруживается как в образных, идейных и сюжетных переключках, так и в попытке создания религиозно обоснованного романа, а также дает возможность оценить провидческий характер творчества Достоевского, предсказавшего главные социально-политические, религиозные и психологические опасности нового столетия.

Ключевые слова: *И. С. Шмелев, Ф. М. Достоевский, уроки, историко-литературная связь, провидческий характер творчества.*

Влияние Ф. М. Достоевского на культуру XX века достаточно хорошо изучено [1, 3, 9]. Творческое наследие классика рассматривается учеными в контексте мировой литературы и философии,

исследуется роль идей Достоевского и его героев в формировании мировоззрения и художественных приоритетов современников и потомков. Серьезное внимание уделяется художественным открытиям писателя, а также их прорастанию в культурный код литературы нового времени. При таком подходе, подчеркивают авторы коллективного труда «Достоевский и XX век», не только классик «понимается через XX век, но и XX век понимается через личность и творчество Достоевского» [1, с. 3].

Наряду с Пушкиным, Достоевский оказался в центре внимания литературной эмиграции первой волны. Культ Пушкина и Достоевского в изгнании связан с повышенным интересом вынужденных скитальцев к истокам русской культуры, со стремлением к утолению «духовной жажды», с поисками ответов на смысложизненные вопросы и усвоением уроков русской классической литературы.

«Дерзновенный мыслитель» и «ясновидец» человеческих душ, Достоевский оказал большое влияние на И.С. Шмелева, которое не исчерпывается ни сюжетными или образными перекличками, ни смелой попыткой создания религиозно обоснованного романа, ни трепетным вниманием к человеческим страданиям и попытками определить их онтологические истоки, ни даже верой во «всечеловечность русской сущности». В послереволюционной России и в эмиграции Шмелев буквально проживал уроки классика и шел путями, предсказанными в его романах: от потрясающего душу зрелища человеческого падения до веры в реальность нового, преображенного человека: «Достоевский спускался и нас уводил в низину и тьму человеческого духа и естества, дабы познать сокровенное и потрясти, и умудренных и потрясенных, вывести на высоты, к свету, на пути Божьи» [10, с. 331].

О важном значении для Шмелева личности и художественного опыта автора «Преступления и наказания» свидетельствует не только художественное и публицистическое, но и эпистолярное наследие писателя. Несмотря на это, в современных исследованиях тема «Шмелев – Достоевский» пока не получила глубокого и всестороннего освещения. Не претендуя на окончательное решение перспективной литературоведческой проблемы, попытаемся указать наи-

более очевидные следы уроков Достоевского в человеческой и творческой судьбе И.С. Шмелева.

Переживший на своем веку несколько революций и кровопролитных войн, лишившийся Родины и потерявший единственного сына, Шмелев не уставал удивляться провидческому дару Достоевского, предсказавшего трагические «провалы» и гибельные ошибки человечества. «Пророк грядущей катастрофы» [12, т. 7, с. 568], – аттестовал он классика в статье «О Достоевском», выдвигая его на почетнейшее место в мировой литературе среди «избранников-гениев», как Данте, Сервантес, Шекспир, Гете, Пушкин, Толстой. «Кто теперь будет отрицать за гением Достоевского пророческую силу? – вопрошал прозаик. – Воистину, ясновидец. Эти пророчества – в его книгах, и желающий вспомнит их» [10, с. 40].

Судьба человека в мире, по Шмелеву, – главная тема творчества Достоевского, гениально изобразившего последствия духовной слепоты и всемирного ожесточения: «Вот почему его творенья не тускнеют, а наоборот, врастают в душу мира. Этому помогло воплощение Зла в мире, не мистического, как в книге Бытия, а явного, жуткого, как трагический “чертов балаган”» [12, т. 7, с. 571].

Художественная формула «чертов балаган» не случайно заимствована Шмелевым из одноименного рассказа 1926 года. Произведение, полемически ориентированное на «Божественную комедию» Данте, повествует о предательстве ловкача-профессора Самолетова, в угоду новой власти перекроившего лекции по литературе Возрождения: «Он получал натурой! У профессора оказался непромокаемый офицерский плащ, с английским клеймом. Профессор боялся сырости. У профессора оказалась пара пятикилограммовых жестянок с американским мясом. И сгущенное молоко, и повидло, и бисквиты...» [12, т. 2, с. 115]. И это несмотря на то, что новые хозяева жизни претендовали на господство над человеческими душами, оскверняли храмы, издевались над святынями народа.

Через обращение к классику русской литературы Шмелев оценивал современность, пытался понять ход истории и закономерности политического развития и каждый раз упирался в центральный для автора «Бесов» «вопрос о Боге»: «Достоевский нащупал в че-

ловеке самое страшное: древний соблазн греха, проснувшийся от анабиоза и крикнувший: “хочу, – как боги, знающие Добро и Зло!..”». [12, т. 7, с. 570].

Воплощение «нащупываний» и пророчеств «огромного Достоевского» Шмелев видел в носителях новой, «интернациональной» веры, которые отказались от морали и упразднили все заповеди, кроме одной – «все можно». Массы людей увлекли животными благами мира, прельстив поистине дьявольским соблазном: «право на все решительно, до безнаказанного убийства» [12, т. 6, с. 530].

В творчестве писателя-эмигранта драматические последствия безбожия и устройства бездуховной жизни отражены в эпопее «Солнце мертвых» (1923), цикле «На пеньках» (1924), рассказах «Продну старуху» (1924), «Сила» (1924), «В ударном порядке» (1925), «Железный дед» (1927), романах «Няня из Москвы» (1933), «Пути небесные» (1935–1948) и др. Для прозаика это свидетельство истинности слов Достоевского: «Где нет Бога – там будет Зверь». Шмелев продолжает: если Бога нет – «тогда – грызня. <...> А к каждому надо приставить городского» [10, с. 12].

Ничем не лучше была и жизнь бездуховной Европы. Шмелев поражался сомнительным достоинствам хваленной цивилизации, в которой видел еще одно осуществившееся предсказание: «Со всех петель сорвалось, и уж давно. <...> Без Бога, без души, без Ума-Разума. <...> Кто смеет сказать, что Достоевский не предрек?! Давно, 60 л. тому предрек. В “Подростке” (сказочки Версилова), только... не “прижмутся” друг к другу от тоски и жалости, а пожрут друг друга. Пусту быть миру» [5, с. 215].

Едва ли не самый пристальный читательский и аналитический интерес у Шмелева вызывал роман «Братья Карамазовы» как вершина духовных открытий о человеке. «Здесь, – уверен Шмелев, – Достоевский показывает себя глубочайшим и дерзновенным русским религиозным мыслителем, и можно сказать – всемирным» [12, т. 7, с. 589]. В тяжелейших условиях эмиграции автор многочисленных произведений о послереволюционной России не единожды серьезно и вдумчиво перечитывал последнее произведение Достоевского, гениально изобразившего трагедию человека, потерявшего веру.

В «Переписке двух Иванов» тема «Братьев Карамазовых» впервые актуализировалась в отклике И.А. Ильина на эпопею «Солнце мертвых» (1923). В письме от 18 марта 1927 года философ аттестовал произведение как «один из самых страшных документов человеческих»: «Богу – меморандум; людям – обвинительный акт» [5, с. 21]. Его особенно восхищал пророческий, гениальный бред доктора, после которого «возвращение Иваном Карамазовым “входного билета” – <...> кажется пустой, аффектированной фразой...» [5, с. 21].

Шмелев не мог не откликнуться на слова друга, тем более что идея, заключенная в художественной формуле Достоевского, была предметом серьезных размышлений писателя: «Возвращение “входного билета”!... Нет, Вы правы, не смею и не имею основания, не смотря на видимость. Ибо не моим весам взвешивать» [5, с. 24].

Тем не менее раздумья об ответственности за содеянное в ходе первой мировой войны не давали покоя. Оценивая реакцию Европы на почти десятиmillionные потери («а у каждого трупа хоть по 5 родственников» [5, с. 23]), Шмелев ужасался: «Канкан! Как послушишь – да что тут “провалы” Достоевского! Не снилось и Федору Михайловичу! <...> Там такой свих и сдвиг – в среде интеллигенции, такой провал (сужу по отдельным, но очень характерным фактам), что не принимает ни разум, ни чувство. Распоясались “низы” в человеке, и духовная позолота сразу сгорела <...>» [5, с. 23-24].

Здесь аналогия с романом Достоевского напрашивалась сама собой: «Ив. Карамазов уж очень умен и любитель поиграть мыслями. И – дешев, – это карикатура на интеллигента русского. Улучшенное издание Смердякова. Ему легко вернуть “билет”, ибо у него двадцать – собственной фабрикации, и подлинный ему не нужен. Да он его и не получал! У него его и нет, и он это знает. Почему с “пустышкой” не расстаться? Все это фарс словесный. И более гнусного не дано нашей да и мировой литературой. Но какое предвидение!!... Теперь этих Иванов Карамазовых – пачки. И счастливы с билетами, кучками штампуют – и все одного вида и на все проходы и выходы. Фальшивомонетчики. Их – по всей Европе» [5, с. 24-25]. И как повторение урока: «На днях возьму и перечитаю, вникну» [5, с. 25].

Спустя четыре года Шмелев снова обратился к роману. Как художник, он особенно остро чувствовал значительность и актуальность вопросов, поставленных Достоевским: «С горя читаю (в какой раз) Карамазовых. Вникаю» [5, с. 217]. Следы влияния «Братьев Карамазовых» обнаруживаются на разных уровнях итоговой книги Шмелева «Пути небесные». В письме к О.А. Бредиус-Субботиной писатель упоминал о страшной борьбе, которая предстоит героине его романа с «неким Кузюмовым», перед которым все циники и атеисты до Федора Павловича Карамазова – «мальчишки и щенята» [11, с. 247].

В реальной жизни потеря духовного самостояния человека оброчивалась политическими и социальными катаклизмами. Зачастую «иллюстрации» превосходили подлинники по масштабам дерзаний новоявленного человекобога.

В 1932 году общественность Европы потрясло убийство президента Франции Поля Думера, совершенное уроженцем Кубани Павлом Горгуловым. Поразительным было заключение одного из представителей прокуратуры, увидевшего связь между впечатлением безумного, которое производил обвиняемый, и его национальностью. Для Шмелева произошедшее было явным «откровением», посланным для вразумления человека: «Достоевский из сего процесса сотворил бы страшнейшую из страшнейших книг, такую бы бездну показал..! <...> Так совокупаются “явления” и “действия”, и слова, что лучшего фокуса и вообразить нельзя. В процессе об убийстве Президента – все дано – философам, моралистам, простым смертным: смотри, человек! Да ведь тут тот-то “фокус”, – “Преступление и наказание” – азбука, начальная книжечка для чтения! Вулканы извергаются на человечество, а “дворники все песочком посыпают”. Конечно, не прокурорам понять “дух”, не им ставить отметки народам» [5, с. 291].

Вторую мировую войну писатель рассматривал как новый этап в жизни мира, «божественную трагедию» глубочайшего масштаба, которую возможно отразить исключительно в формах высокого искусства, «если бы жив был Достоевский, Тютчев, Пушкин».

В торжестве сомнительных ценностей послевоенной Европы Шмелев видел все новые и все более устрашающие «реминисцен-

ции» из произведений Достоевского. Вызывающую, агрессивную власть пошлости и цинизма «мировой-европейской» цивилизации православный писатель рассматривал в связи с главной темой рассказа «Бобок» (1873) («давайте ничего не стыдиться»), преемственно связанного все с теми же «Братьями Карамазовыми». «Скорбно, больно и гадко», – жаловался Шмелев в письме к Ильину от 3 марта 1947 года: «Игривость, от полноты сил... лихость похабства, да... но не слюняво-сладоострастное хихиканье а-ля-Федор Павлович... Теперь все – безнаказанно, “без последствий”. “Бобки” вылезли – и сколько же вони и гноя подмогильного напускают и заражают своим “насморком” еще не “обобчившихся”!» [7, с. 51-52].

В фантастическом сюжете рассказа «Бобок» как в «микрокосмосе» (М.М. Бахтин) сходятся основные темы творчества Достоевского. Своеобразный «микрокосмос» есть и у Шмелева. Это рассказ «Почему так случилось» (1944), без которого, по заверениям писателя-эмигранта, не было бы продолжения «Путей небесных». Генетическая связь произведения Шмелева с наследием Достоевского состоит не так в жанровых соответствиях (рассказ), и не в концептуальном художественном приеме (сон героев), а в том, что напряжение смысловых полюсов сочинения Шмелева имеет прямое разрешение в творчестве классика. Если за телесным тлением героев «Бобка» видится духовное разложение, то Шмелев изображает последствия безбожного существования. В рассказе Шмелева «гниению духа» противопоставлена духовно осмысленная жизнь. Таким образом, мотивы покаяния, очистительной силы страдания и возрождения к новой жизни связывают «Почему так случилось» не только фантастическим повествованием рассказа-предупреждения, но и с «Братьями Карамазовыми», и «Сном смешного человека».

В ничем не сдерживаемом, безудержном попрании духовных ценностей советская действительность не уступала Европе. И так же, как и там, аморализм и безверие оборачивались для человека разрушительными внутренними метаморфозами. Выражая свое отношение к происходящему в стране советов, писатель снова обратился к идеям и художественным образам Достоевского: «Та жизнь (Мертвого Дома), где нарушены все меры, – оскорбляет и

поганит последнее живое в душе <...>! Если Ив. Карамазов “возвращает билет” <...> за одну неискупленную слезку умученного ребенка... – во всем нашем и во всем мировом... – за такое падение – нет уже ни “билета”, ничего нет! Если так можно вытошнить из себя Бога, – да что же останется?! Не “возвращение билета”, лучше бы вовсе и не родиться...» [7, с. 251].

Духовная бездарность, потеря нравственной основы, прагматизм как концептуальные черты человека XX века были пророчески угаданы Достоевским в образе Смердякова. Незаконный сын Федора Павловича Карамазова – лакей по не по социальному положению, а по природе: «Лакейство, по Достоевскому, заключается в духовной бесхребетности, несамостоятельности при удивительном умении соблюдать свои материальные интересы» [8, с. 80]. О торжестве низменно-утилитарных интересов, посредственности и математическом подходе как принципах жизни современного человека Ильин писал Шмелеву: «Натасканный Иваном Федоровичем Карамазовым Смердяков, оказалось, вылез из своей петли и разошелся. Сплошная смердяковщина. О, гениальный Достоевский! Что может быть мерзей пошлого ума!» [6, с. 359-360].

Однако Шмелев слишком глубоко постиг уроки Достоевского, чтобы воспринимать катастрофические изломы исторического времени как последнее и завершающее слово о человеке. Творчество классика утверждало писателя в мысли о том, что «в человечестве, несмотря на все трагические ошибки и заблуждения, жив тот духовный идеал, который и составляет весь смысл жизни на земле» [1, с. 16].

Автор «Путей небесных» последовательно и осознанно воспринял «чудо Достоевского» как возможность преодоления устрашающей разобщенности людей и душевно-духовного кризиса личности. Отсюда в творчестве Шмелева заимствованные у великого предшественника мотивы связанности людей в добре и зле, благостности страдания, возможности покаяния и духовного возрастания. Об этом проникновенно рассуждает молодой художник Качков, герой дореволюционного рассказа Шмелева «Лихорадка» (1915): «<...> Жизнь постепенно формируется и движется к какой-то великой цели. Через эти страдания выявляется светлый лик жизни, че-

рез века... покупается великое будущее <...>. [13, т. 4, с. 7]. И дальше: «И я все прощаю, и все страдания принимаю и прощаю, потому что верю сейчас, что та жизнь, которая породила такую величайшую идею, – пострадать за всеобщее счастье... <...> пострадать лучшему из лучших, – такая жизнь не может быть отвергнута, и никакое страдание для нее ни ничтожно, ни не нужно <...>. Я лабазам этим поклонюсь – пусть в них Кульяпкины, пусть, пусть! И они страдают. И в них живая душа, которая может подыматься!» [13, т. 4, с. 19]. Спустя много лет в эмиграции Шмелев сформулировал замысел романа «Иностранец» так: «Поймать душу немумирающую даже в человеке, превратившемся в ходячую машинку» [5, с. 24].

Идея восхождения человека к Богу станет центральной в итоговом романе Шмелева «Пути небесные». С произведениями Достоевского последнюю книгу писателя роднит смелая попытка соединения художественной и духовной литературы в уникальном жанровом синтезе «духовного романа». Удивительно и то, что «Пути небесные» постигла та же участь, что и «Братья Карамазовы»: и в первом и во втором случае произведения остались незавершенными. О неосуществившемся замысле второго тома «Братьев Карамазовых» с главным героем Алешей Шмелев писал: «Этот роман мог явиться синтезом нравственно-социального и религиозного романа, новым направлением в искусстве. Преждевременная смерть этому помешала» [12, т. 7, с. 588]. Для убедительности 3-й части романа Шмелев, по его собственному признанию, читал всех доступных «отрицателей» и хулителей Христа, написал до 15 вариантов последней главы («пролезаю через тесное»), но так и не удовлетворился написанным. «Во всей литературе и жизни я не нашел, как становятся верующими... рационалисты. Тут – благодать». И как обет: «Ах, какая это задача!.. и надо ее попытаться решить...» [7, с. 15].

Нравственно-этический идеал Достоевского воплотился в идее рая, под которым писатель подразумевал соборное единение людей во имя Христова, или «свободное согласие в высшем», по выражению М.М.Бахтина [1, с. 320]. Изображение «золотого века» у Достоевского отличает духовный характер и утопичность, которая оттеняется сном персонажей.

У Шмелева идея «царства Божия на земле» воплощается в тех главах «Путей небесных», которые посвящены изображению Ютово, Мценского имени главных героев, переименованного Даринькой в Уютово. То, что в представлениях Достоевского было греховной мечтой и соблазном, у Шмелева находит художественное отражение во втором томе романа. Одна из заключительных глав произведения так и называется: «Земной рай».

Развернутое высказывание о «золотом веке» как несбыточной мечте человечества Достоевский доверил Смешному человеку: «<...> Пусть, пусть, это никогда не сбудется и не бывать раю (ведь уже это-то я понимаю!) – ну, а я все-таки буду проповедовать. А между тем так это просто: в один бы день, в один бы час – все бы сразу устроилось! Главное – люби других как себя, вот что главное, и это все, больше ровно ничего не надо: тотчас найдешь, как устроиться» [4, т. 12 с. 521].

Шмелев в письме к Ильину высказался о возможности «высшей гармонии» от собственного имени: «Господи, как же достойно мог бы жить мир!.. Вот тогда бы – какие источники забили!.. Рай на земле! И как же это достижимо! Имей волю, захоти!..» [7, с. 373].

Таким образом, изучение характера усвоения Шмелевым уроков Достоевского дает возможность оценить провидческий смысл творческого наследия автора «Бесов», предсказавшего главные социально-политические, религиозные и психологические опасности нового столетия, а также выявить историко-литературную связь классического наследия с сочинениями автора «Путей небесных». Традиции Достоевского в творчестве Шмелева обнаруживаются как в образных, идейных и сюжетных перекличках, так и в попытке создания религиозно обоснованного романа.

Список использованных источников

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
2. Достоевский и XX век: в 2-х тт.: т. 1. / под ред. Т. А. Касаткиной. – М.: ИМЛИ РАН, 2007. – 752 с.
3. Достоевский. Материалы и исследования. Том 21. – СПб.: Нестор-История, Пушкинский Дом, 2016. – 538 с.

4. Достоевский, Ф. М. Собр. соч.: В 12 т. / Ф. М. Достоевский. – М.: Правда, 1982.

5. Ильин, И. А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1927–1934) / И. А. Ильин; сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы. – М.: Русская книга, 2000. – 560 с.

6. Ильин, И. А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1935–1946) / И. А. Ильин; сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы. – М.: Русская книга, 2000. – 576 с.

7. Ильин, И. А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1947–1950) / И. А. Ильин; сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы. – М.: Русская книга, 2000. – 528 с.

8. Кантор, В. К. В поисках личности: опыт русской классики / В. К. Кантор. – М.: Московский Философский Фонд, 1994. – 76 с.

9. Сараскина, Л. И. Достоевский в созвучиях и притяжениях: (от Пушкина до Солженицына) / Л. И. Сараскина. – М.: Русский путь, 2006. – 608 с.

10. Шмелев, И. С. Душа Родины: Сборник статей от 1924–1950 г. / И. С. Шмелёв. – Париж: Изд-во Рус. науч. ин-та при Рус. Акад. группе в Париже, 1967. – 338 с.

11. Шмелев, И. С. Переписка с О. А. Бредиус-Субботиной. Роман в письмах: в 2 т. / И. С. Шмелёв. – М.: РОССПЭН, 2004. – Т. 2. – 856 с.

12. Шмелев, И. С. Собр. соч.: в 5 т. / И. С. Шмелев. – М.: Русская книга, 2001.

13. Шмелев, И. С. Собр. соч.: в 12 т. / И. С. Шмелев. – М.: Сибирская Благозвонница, 2008.

**“FEDOR MIKHAILOVICH DID NOT DREAM!”
(F. M. DOSTOEVSKY IN THE DESTINY
AND WRITING WORK OF I. S. SHMELEV)**

Gudzova Yaroslava Olegovna,

*Ph.D. in Philology, associate professor, professor of FSBEI OF
HIGHER EDUCATION «Moscow State Art and Cultural
University» (Khimki, Russian Federation),
e-mail: disava@yandex.ru*

The article is devoted to the lessons of F. M. Dostoevsky in the destiny and writing work of I. S. Shmelev. The study reveals the historical and literary connection of the classical heritage with the literary works of the author of «The Heavenly Roads», which is echoed by images, ideology and writer's theme, as well as by a tentative of creating a religiously grounded novel, and makes possible to evaluate the visionary nature of Dostoevsky's work, who predicted the main socio-political, religious and psychological dangers of the new century.

Keywords: *I. S. Shmelev, F. M. Dostoevsky, lessons, historical and literary connection, visionary nature of work.*

References

1. Bahtin M.M. Jestetika slovesnogo tvorcestva [Aesthetics of Verbal Art]. – M.: Iskusstvo, 1979. – 424 p.
2. Dostoevskij i XX vek. Pod redakciej T.A. Kasatkinoj. [Dostoevsky and XX century. Edited by T.A. Kasatkina. 2 volumes. V. 1] V 2-h tomah. T. 1. – M.: IMLIRAN, 2007. – 752 p.
3. Dostoevskij. Materialy i issledovanija [Materials and Investigations]. Tom 21. – SPb.: Nestor-Istorija, Pushkinskij Dom, 2016. – 538 p.
4. Dostoevskij F.M. Sobr. soch.: [Complete Woks of Dostoevsky F.M.]. V 12 t. – M.: Pravda, 1982.
5. Il'in I.A. Sobr. soch.: Perepiska dvuh Ivanov (1927–1934) [Complete Woks of Il'in I.A.: Epistolary intercourse of two Ivans (1927–1934)/Compiled, opening remarks and comments by Y. T. Lisitsa]. Sost., vstup. st. i komment. Ju.T. Lisicy. – M.: Russkaja kniga, 2000. – 560 p.
6. Il'in I.A. Sobr. soch.: Perepiska dvuh Ivanov (1935–1946) [Complete Woks of Il'in I.A.: Epistolary intercourse of two Ivans (1935–1946). Compiled, opening remarks and comments by Y. T. Lisitsa]. Sost. i komment. Ju.T. Lisicy. – M.: Russkaja kniga, 2000. – 576 p.
7. Il'in I.A. Sobr. soch.: Perepiska dvuh Ivanov (1947–1950) [Complete Woks of Il'in I.A.: Epistolary intercourse of two Ivans (1947–1950). Compiled, opening remarks and comments by Y. T. Lisitsa]. Sost., vstup. st. i komment. Ju. T. Lisicy. – M.: Russkaja kniga, 2000. – 528 p.
8. Kantor V.K. V poiskah lichnosti: opyt russkoj klassiki [In search of personality: trial in the Russian classic literature]. – M.: Moskovskij Filosofskij Fond, 1994. – 76 p.

9. Saraskina L.I. Dostoevskij v sozvuchijah i pritjazhenijah: (ot Pushkina do Solzhenicyna) [Dostoevsky in accords and attractions: (from Pushkin to Solzhenitsyn)]. M.: Russkij put', 2006.– 608 p.

10. Shmelev I.S. Dusha Rodiny: Sbornik statej ot 1924-1950 g [The soul of the motherland: Collected papers from 1924 to 1950]. – Parizh: Izd-vo Rus. nauch. in-ta pri Rus. Akad. gruppe v Parizhe, 1967. – 338 p.

11. Shmelev I.S. Perepiska s O.A. Bredius-Subbotinoj. Roman v pis'mah: v 2 t. [Epistolary intercourse with O.A. Bredius-Subbotina. Epistolary novel: 2 v.] – M.: ROSSPJeN, 2004. – T. 2. – 856 p.

12. Shmelev I.S. Sobr. soch.: v 5 t. [Complete Woks of Shmelev I.S.] – M.: Russkaja kniga, 2001.

13. Shmelev I.S. Sobr. soch.: v 12 t. [Complete Woks of Shmelev I.S.] – M.: Sibirskaja Blagozvonica, 2008.